

Подборка *Вечеслава Казакевича*, опубликованная в журнале «Знамя» (номер 12, 2021), с которой мы и начнем наш осенний обзор, похожа на цветной калейдоскоп, который встряхнёшь – и мир сразу складывается выпуклым и ясным, сказочно-леденцовым. Поэзии Казакевича присуща детская непосредственность, способность видеть мир, как он есть. Но японская созерцательность этих стихов в то же время лишена отстранённости – они полны дыхания, движения, жизни. Всё живущее равно в этих стихах: «К радости лягушек и меня, / вода побежала на рисовые поля!», природа здесь одухотворена: «Вот корни выползли наружу, / и дерево открыло свою душу», и даже злободневные темы показаны сквозь библейский нарратив.

* * *

К радости лягушек и меня,
вода побежала на рисовые поля!
Теперь, выходя из дома,
я сразу смотрю в канал,
что там плывёт? Зелёная ветка
или чей-нибудь деревянный пенал
с открытой крышкой,
в котором сидит парнишка,
что с уроков удрал?
Вперёд!
На скользкой дорожке
волшебные острова вдали
рассыпаны, будто крошки,
брошенной им земли.

В журнале «Звезда» (номер 12, 2021) можно прочесть замечательные стихи *Михаила Мейлаха*, которые словно бы вслушиваются в собственное эхо, бродят из одного воспоминания в другое. В этих стихах силён мотив усталости, ускользания, конечности жизни, также присутствует почти романтическое стремление в «блаженную страну». Всё здесь движется словно во сне, не столько движение – сколько память о нем: «сквозь толчею стволов... сквозь

сон... сквозь что-то / нездешнее...». Память поэта свободно объёмлет пространство и время, мир мёртвых и живых, и множество негаций в строках «не услышать ни скучное «здрате» / уходящему призраку вслед» только усиливают эффект

* * *

Гаснет свет на пустеющей сцене.
В наступившей навек тишине
не столкнуться бы с шествием теней
не актеру, не автору – мне,

и на вечных поминках по счастью
наших вместе не прожитых лет
не услышать ни скучное «здрате»
уходящему призраку вслед,

ни суфлера трагический шепот –
«здесь купюра, там вставка, тут – Fixe!¹»
ни валов протестующий клочок
на обратном пути через Стикс.

Стихи *Владимира Бауэра*, опубликованные в журнале «Звезда» (номер 12, 2021), отличается плотная, богатая образность и узнаваемый почерк. Это мускулистые, полные энергии стихи, в которых есть чувство и нерв. В центре выбранного стихотворения – вечный конфликт духа и плоти, ведущий свое начало еще от Платона: «Вот плоть – она по жизни плот». Головокружительная игра слов, соединение низкой изнанки жизни с парением духа, множество ироничных неологизмов – никого из читателей не оставят равнодушными.

* * *

Вот плоть – она по жизни плот.
Вот дух – её причуд приплод.
Ах, говоришь, наоборот?
Платон, твердишь, всему оплот?
Так почему ж от духа дух
таков, что – ух?!

Да, после утренних полста
на мир нисходит красота.
Захорошевшие уста
струят приязнь во все места.
Но вот спровадишь пьяных дур –
и вечер хмур.

¹ Смирно! (фр.).

А в обезглюченной ночи
забвенье горше саранчи.
Куда ж умчались, горячи,
пыхливой жизни калачи?

Сбираешь памяти помёт.
Душа – поймёт.

Подборка *Марины Кантор*, вышедшая в журнале «Урал» (номер 9, 2021), интересна оригинальностью взгляда и лёгкостью поэтической речи. Приведенное ниже стихотворение сразу же поражает своей двойственностью. Реальность в нём словно бы расщепляется, и физическое тело перестаёт помещаться в её рамки: одна часть перенимает чужие повадки и осваивает чужую речь, другая же – словно бы застывает «Стоит длиннокосяя женщина соляная». Любопытно то, как описывает себя лирическая героиня: длинная коса в стихотворении как способ идентификации и одновременно – как атрибут женственности. В стихотворении показана эта вечная двойственность – нас прошлых и настоящих – и в то же время непрерывность самовосприятия.

* * *

День ото дня – понятнее речь чужая,
Знакомее лица в спешащей на юг маршрутке.
И я забываю – да, кажется, забываю –
Себя, длиннокосую, в красной осенней куртке.

Большим осьминогом сверху распласталось солнце.
Вцепилось в затылок присоском, не отпускает.
А где-то на юге у высохшего колодца
Стоит длиннокосяя женщина соляная.

В стихотворении *Елены Зейферт*, опубликованном в журнале «Урал» (номер 11, 2021), также соединяются двое начал: мирское, вышедшее из земли, которому «хорошо в пыли», и небесное, духовное начало. Взаимодействие этих двух частей приводит к перерождению, к избавлению от греха «перстный небесным стал в этот чистый четверг». Поэзия Елены Зейферт филологична в лучшем смысле этого слова: не может не удивлять весь диапазон её поэтических приёмов и богатство аллюзий. Эти стихи говорят о спасении, о поиске духовности в ситуации, когда «неба над нами здесь нет», о глубоком духовном перерождении.

* * *

перстный живой человек входит в метро покупает электронный билет
тычет им в небо (а неба над нами здесь нет)

тычется мне в плечо
просит кусочек земли
много неба ему! небо небо везде! от неба ему горячо
ему хорошо в пыли

небесный живой человек речку подводит к корням
роет Себе нору и обитает в норе
растёт по воскресным дням
перстный смотрит горе знает чуть-чуть молитв
просит кусочек земли
его язык не болит

Ты второй человек – перстный Ему кричит
а небесный молчит

перстный идёт ко дну
Господи, я тону! Господи, я тону!
небесный бежит со всех ног бросает Свои дела ложится на самое дно
пристально смотрит вверх
перстный с небес упал небесный его обнял
перстный небесным стал в этот чистый четверг

В журнале «Интерпоэзия» (номер 4, 2021) вышла подборка *Анастасии Андреевой*, которая вряд ли может оставить кого-нибудь равнодушным. Первое же стихотворение прошивает навывлет прямою высказывания и вместе с тем – силой отчаяния, стоящего за ним. Стихотворение написано в монотонном ритме, лирическая героиня постоянно повторяется и одергивает себя «анализы кошмарны, – нельзя ей говорить», «и завтра снова к маме, и плакать не моги», оставаясь с ужасом болезни один на один. Эта точка напряжения, это оголенность неподдельного и невыразимого отчаяния заряжают стих. Как пишет сама Анастасия Андреева в другом стихотворении подборки: «всё бы уже прошло / если бы так не болело».

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ ИЗ БОЛЬНИЦЫ, ГДЕ ЛЕЖАЛА МАМА...

душа держалась в чём-то, хотя и натошак.
троллейбус вез вприпрыжку сквозь непроглядный мрак.
за что бы зацепиться издерганным умом,
когда ты из больницы везешь себя с трудом?
уже давно стемнело и улицы пусты,
ох, тело мое, тело, меня не отпусти,
до дома бы добраться, и плакать не моги,
и завтра снова к маме, и плакать не моги,
в больнице тараканы, – нельзя ей говорить,
анализы кошмарны, – нельзя ей говорить,
в хорошую больницу, сказали, не возьмут,

сказали, нету места, вас слишком много тут,
за деньги ли, без денег – нет места, как-то так,
а если вдруг ты помер, то, значит, сам дурак.
страна наша обширна, до ужаса мудра,
и как помочь больному, не знают доктора,
когда в больнице нужной нет места, места нет, –
иди-ка ты, лежачий, такой тебе совет.
но если долго биться об стенку головой –
может, и получится остаться там живой.

В журнале «Интерпоэзия» (номер 4, 2021) также опубликована подборка *Александра Вейцмана* с очень разноплановыми историями. В названии каждого стихотворения нашли отражение части Манхэттена. Подборке характерно внимание к деталям, способность разглядеть за рутинными событиями глубину и чувство, достигнуть экзистенциальной глубины. Последнее стихотворение подборки, верлибр – построен на звуковых сочетаниях и внутренних рифмах и напоминает свободный полёт мысли над холодным берегом Гудзона. Материальная надежность жизни в один момент может пойти прахом: «Идет дождь. Денег нет. Адам Смит умер», и тогда пора просыпаться: «И губы, что ни разу еще не холодели, / начнут холодеть».

EAST VILLAGE

Финансовый кризис продолжается, и берег Гудзона становится холоднее.

Я прогуливаюсь в черном пальто,
взглядом обрусевшего еврея
встречая шагающих мимо хасидов.
Такие бороды носили лет сто
назад в местах, где потом побывали немцы.
Ветер вздыхает монотонно,
кольша лодками и не торопясь к сердцу.
Недорогое сукно, как элемент быта
и бюджета, покрывается солью капель.
Цена нефти за баррель
тем временем падает изо дня в день.

Это дивная новая экономика,
чья некогда невидимая рука
отрублена, словно по шариату.
Память о ней тянется от заката
к закату, целомудренное облако
развращая до фривольных осадков.
Идёт дождь. Денег нет. Адам Смит умер.
Безмолвствует река.

И едва заметное утро
виднеется издалека.

Утро есть пробуждение. Ты откроешь глаза
и машинально поднимешь их на потолок.
Раздастся лай кастрированного пса.
Шопен ворвётся продолжительной трелью,
прерывая продолжительный вздох.
Слух застигнет врасплох
очередная финансовая весть.
И губы, что ни разу еще не холодели,
начнут холодеть.

Стихи *Ольги Маркитантовой*, также вышедшие в журнале «Интерпоэзия» (номер 4, 2021), – это пример взгляда со стороны и притом – взгляда на равных – соединяющего все слои тварного и человеческого бытия. Это очень минималистичные и ёмкие стихи, в которых реальность полна тревоги и борьбы: «вопят красный снег и песок». Но этой реальности противостоит другая – не столько божественная, сколько духовная реальность, направленная на сохранение: «Помолиться с земли, помочь им в раю». Яркая образность, глубокое переосмысление жизни и смерти, а также умение соединять несоединимое отличают стихи Ольги Маркитантовой.

* * *

Растворить, уложить
стержень человеческого тела
в собачью, кошачью горизонталь,
найти свое чувство в черно-белом
лохматом море.
Помолиться с земли, помочь им в раю.
Прижать локти к телу
в родовом объятии.

В поэзии *Елены Михайлик*, которую можно прочесть в журнале «Новый Мир», (номер 10, 2021), уживаются рядом удивительные вещи: от ехидны до Ионы, от Кунсткамеры до Китежа, а в измерении одного стихотворения может сосуществовать целое разнообразие хронотопов. Локальный апокалипсис представленного стихотворения передан лёгким, полущутливым тоном, но способность автора подмечать забавное и миксовать образы не лишена глубокой рефлексии. Читателю остаётся только идти вслед за причудливой фантазией автора, соглашаясь с ним или нет, и всё же непрерывно удивляясь прочитанному.

* * *

Лес как лошадь хрипит
дымный шарф догоняет красный солнечный шар,
а ехидна спит,

над ехидной происходит лесной пожар.
Когда стихийное бедствие
поражает эвкалипты, папоротники, всадников и стрекоз,
она оценивает последствия,
закапывается в грунт и впадает в анабиоз.
Потом тычется на пожарище бестолково,
без иголок, кутаясь в листовое тряпье,
и, не говоря никому никакого слова,
ест выживших муравьёв.
Муравьи не любят её.
Так что, скользя прозрачной тропой пожарной,
там, где слои на слои на слои легли,
лучше смотри по сторонам, мой плацентарный,
мало ли что может проснуться из-под земли.

Стихи *Семёна Заславского*, опубликованные в журнале «**Новый Мир**» (номер 10, 2021), отличаются чистым классическим звучанием и строгой формой. Подборка недаром называется «В чередованье радости и боли» – здесь вспоминаются и тяжёлые послевоенные годы «Тот нищий угол, где ребенок спит / В железной люльке своего столетья», и мгновения внезапного счастья, и непрерывная замороженность красотой жизни. В этом стихотворении мне видится дантовское блуждание в поисках рая: «Видит лес на своём пути / И, помедлив, заходит в лес», и этот лес означает и жизнь, которую прошёл до половины, и смерть, объединяющую все времена и эпохи.

ПРОЛОГ

Этот воздух, как прежде, чист,
С древа тихо слетает лист
К той земле, где еще Адам
Брал с оглядкой запретный плод.
И теперь по его следам
Человеческий зверь идёт.
По пескам через город Ур
К нам он долгой дорогой шёл,
И жесток его глаз прищур,
Шаг упруг и кулак тяжёл.
Он проходит путём степным,
И багровый чертополох,
Вырастая, стоит за ним
На курганах былых эпох.
Он приходит и будет жить,
Перелища отринув все,
И без памяти мир любить
В безучастной его красе.
Человеческий брат и зверь,

Попирающий древний прах,
Он приходит, чтобы жить теперь –
Вызов жизни в его глазах.
Человеческий зверь и брат
Всем ушедшим и всем живым
На далёкий идёт закат,
И пустыня лежит за ним.
Он идёт и, стремясь дойти
До придела семи небес,
Видит лес на своём пути
И, помедлив, заходит в лес,
И в чащобе, среди пряных трав
И дурмана ночных цветов
Слышит, к тёмной земле припав,
Зов праматери – дальний зов.
Этот лес, как заглохший сад, –
Всех грядущих смертей пролог;
Там забыт убиенный брат,
И молчит неизвестный Бог.

Короткая форма и простота высказывания поэзии *Феликса Чечика* (**журнал «Новая Юность» (номер 5, 2021)**) не лишена парадоксальных поворотов: «Слишком ясно и оче- / видно всем – не для всех». Анжамбеман в первой же строке заставляет смыслы мерцать и множиться: здесь и едва слышные «ясные очи», и парадоксально точное «видно всем – не вся всех». Концентрированная мысль Феликса Чечика легко и естественно складывается в афористические высказывания: «отпусти меня, Отче, / ибо я – это грех». Обширный культурный багаж, отточенность письма, поэтическое чутьё позволяют поэту звучать очень современно, перекидывая мостик между традицией и современностью.

* * *

Слишком ясно и оче-
видно всем – не для всех:
... *отпусти меня, Отче,*
ибо я – это грех.

Как морозом по коже
белоснежной зимой:
– *Пожалей меня, Боже,*
даже если не мой.

В журнале **«Волга» (номер 11, 2021)** опубликованы замечательные верлибры *Ларисы Йоонас*. В первый момент эти стихи кажутся несколько отчуждёнными, но, когда смысловая плотность преобладает над инертностью строк – захватывают с головой. В этом

стихотворении вокзалы – символ бесконечного расставания – похожи один на другой, и все дороги ведут в прошлое: «значение какого-то места часто понимаешь позже». Стихи Йоонас говорят с читателем прямо и без экивоков, но находят такие слова, которые проникают прямо под кожу, выворачивают наизнанку: «а потом какое-то неясное воспоминание / останавливает твои поезда навсегда».

* * *

В каком-нибудь городе Фридрихсхафене
на железнодорожном вокзале вдруг обнаруживаешь себя
почему-то в Киеве
похоже все вокзалы построены одним человеком
немного изменившим кладку стен и просветы окон
в один и тот же год видно как время водило его рукой
в невыносимой тоске расставаний воспроизводимой им бесконечно
в каждом захудалом городке и в мегаполисах стиснутых камнем
как получилось что все вокзалы неотличимы друг от друга
история годами спрессовывалась на заплыванном асфальте
следами жвачки солидола копоты и машинного масла
оловянные чайники и фартуки дворников до сих пор отражаются в
лужах

никогда не высыхающих на перронах закольцованных Фридрихсхафенов
перелистываемых нами как страницы фотоальбомов
значение какого-то места часто понимаешь позже
просто ходишь просто смотришь вокруг просто машешь знакомым
а потом какое-то неясное воспоминание
останавливает твои поезда навсегда.

Мир в стихотворениях *Евгения Чигрина*, напечатанных в журнале «Крещатик» (номер 4, 2021), «доверяется карандашу», этой способности поэта живописать словами, создавая порой фантазмагорические, барочные образы. В поэзии Чигрина жизнь и смерть переосмысливаются сквозь мифологические, демонические, христианские образы, но в конце концов божественный свет побеждает: «Кто спешил за несмертельным ветром / Превратился в самый чистый свет». Этим стихам характерна яркая образность, плотность метафор, мелодичность и та самая легкость дыхания, которая проистекает от точности и мастерства.

* * *

Парки в парке парились на солнце,
Жёлтый луч подкатывал к ежу,
Жизнь смеялась в смуглом стихотворце:
Доверялся мир карандашу.

Жизнь смотрела ангелом джинсовым
В пурпурном старинном колпаке,
Облаком большим и мотыльковым...
...А внизу покойники к реке

Шли вдвоём, конечно, на свиданье
С демоном Хароном, налегке:
Каждый нёс последнее прощанье,
Тот, что в шляпе – гиацинт в руке,

Тот, что в кепке... Впрочем, что там кепка,
Если столько солнца на двоих.
«Человек привязан к жизни крепко», –
Кто сказал? Читатель детских книг?

Децима, планидой наделяя?
Морта, перерезавшая нить?
Ангел в синем держит вымпел рая,
Никого не хочет торопить...

Ангел в синем. Парки в парке летом.
Нет Харона да и Леты нет.
Кто спешил за несмертельным ветром
Превратился в самый чистый свет.

В поэзии *Амана Рахметова*, также опубликованной в журнале «Крещатик» (номер 4, 2021), границы между предметами размыты, и весь мир, на первый взгляд, замкнутый, почти герметичный, на самом деле оказывается текучим и переливающимся, созданным из подвижных атомов. Язык уже не способен вмещать сказанное, слова сталкиваются друг с другом – и это несоответствие также становится частью стихотворного процесса «вот за окном языческое / а ты говоришь дождь». Лирический герой выбранного стихотворения словно бы попадает во временную петлю «со всех сторон / наш мир от мира застеклён», и время снаружи и внутри этого стрелянного шара идёт по-разному. В конце концов, то ли тело становится стеклом, то ли стекло теплеет и оживает – это внезапное развеществление и разом с тем – приверженность вещественному миру: «теперь пойми родное тело / оно заплакало вспотело».

|*|

кто изобрёл воздушным жестом
просить прощения и на
балконе в баночку из жести
плевать и думать жизнь одна

не знаю сам себе вопросы
придумываю и молчу
а за окном проходит осень
не потому что я хочу

а потому что под наклоном
куда-то катятся часы
они же круглые ты понял?

а мы застряли на балконе
ещё с весны

моё живое отражение
как хорошо что нет движения
машин
людей
со всех сторон
наш мир от мира застеклён

теперь пойми родное тело
оно заплакало вспотело

В журнале «Дружба Народов» (номер 9, 2021) можно прочесть стихи *Веры Зубаревой*, которым, в первую очередь, характерна мелодичность и плотность метафорического ряда. В этих стихах тесно переплетаются сказочный и реальный временные пласты, в последнем из которых порой отчетливо мелькает Одесса. Нельзя не отметить общую очарованность водной стихией, солоноватым морским воздухом – это то, чем питается почти каждое стихотворение подборки. Часто здесь возникают темы берега и суши «Но я смотрю, смотрю, смотрю им вслед / У берега другого... Или нет – / Всё у того же». По собственному признанию, даже стихи лирическая героиня ловит из своих морей «Между омегой, альфой и Одессой».

* * *

У берега другого знать, что там,
Где ходят сны за ночью по пятам,
Рисуют легковесные наброски,
И снится переулкам и дворам
Из пепла возрождённый Город-храм
Со свитком вод и звонарём в матроске.

Роятся чайки, и со всех сторон
Струится звон из колокольных волн,
И чудо-рыба отликает солнцем,
Привозом акварельным всех времён,

И управляет щедрый князь Гвидон,
И царь Салтан на всех парах несётся.

И много, много разных дивных див,
И у волны морской там свой порыв,
Диапазон такой, – что всем на зависть,
Когда выводит из глубин мотив
И переходит на речитатив,
Из раковин на сушу проливаясь.

А на асфальте вмятины с тех лет
Акации усеял белый цвет,
И мимо дома шествует прохожий.
Его уж нет. И дома тоже нет.
Но я смотрю, смотрю, смотрю им вслед
У берега другого... Или нет –
Всё у того же.

Поэзия *Ольги Злотниковой*, напечатанная в журнале «Дружба Народов» (номер 11, 2021), напоминает молитву, которая идет от сердца ангела. Это прямой разговор со всем живущим и дышащим, разговор-плач, тихая просьба в минуту отчаяния и покинутости: «здесь, на земле, / человеком беременной, / кто помолится обо мне?». Каждый жест в этих стихах весом и торжественен, каждый образ наблюдаешь будто в замедленной съемке: «оземь ударится спелый плод, / и станет совсем тихо». Это тихая песня, колыбельная-качание, в которой слышится что-то по-матерински утешающее, дарующее надежду.

* * *

я не помню, не помню, какие сегодня
с утра глаза надела,
и смотрю чужими, как осень длится,
идёт четвёртая её неделя,

вспыхивают и отлетают листья,
вспыхивают и ускользают лица,
и пока в моей сердцевине,
в сердце женщины-яблока,
зреет семечко,

чужие мои глаза
не видят моего сына,
не говорят *спасибо*.

дрогнет ветка, глухо-глухо
оземь ударится спелый плод,
и станет совсем тихо.

чужие мои глаза, вот я перед вами,
здесь, на земле,
человеком беременной,
кто помолится обо мне?

Хотелось бы также отметить прекрасное стихотворение *Лилии Газизовой*, опубликованное в журнале «**Зинзивер**» (номер 6, 2021), которое, при своей предельной простоте, под конец открывается, словно шкатулка с двойным дном. Меня поражает то, как легко автор перебрасывает мостик в непрерывность бытия, объединяя музыку и память: «Когда бабушка умерла, / Далиду стала слушать / Другая женщина, / Похожая на бабушку». Поэзию Лилии Газизовой легко отличить по точным формулировкам, способности схватывать и передавать суть парой строк, а также по мягкой, певучей интонации.

БАБУШКА И ДАЛИДА

Когда бабушка слушала Далиду,
Она становилась добрее.
Я могла попросить ее
О чем угодно, даже о сладком.

Когда бабушка слушала Далиду,
Она становилась красивее.
Она распускала длинные волосы,
А в глазах появлялась мечта.

Когда бабушка умерла,
Далиду стала слушать
Другая женщина,
Похожая на бабушку.

Стихи, представленные в осеннем разборе, очень разные по содержанию и сути, как и поэты, их написавшие. Что же их объединяет? Активное переосмысление памяти, суггестивность образов, поиск собственной речи для выражения того, что не может не болеть, не может не быть написанным.